
Елена Будзинская
Поздняя Магнолия

Елена Будзинская

Поздняя магнолия

«Автор»
2025

Будзинская Е.

Поздняя магнолия / Е. Будзинская — «Автор», 2025

Сингапур. Палящее солнце, тропический зной, багровые закаты, сады, полыхающие сочными красками вечного лета, стремительные ливни, синий океан, простирающийся до горизонта. Роскошь нарядов и особняков, уютный полумрак тайных комнат, шикарная гостиница, в которой по удивительному стечению обстоятельств работает героиня романа – русская девушка Катя. Запертая в рамки несчастливого брака, она мечтает о прошлом, не подозревая, что ей готовит настоящее. Кате предстоит сделать выбор, и этот выбор будет непростым, как и внезапно вспыхнувшая любовь-страсть, яркая, пьянящая, переменчивая, словно цветок поздней магнолии.

© Будзинская Е., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Поздняя магнолия

Глава

Уже сутки восточный блок отеля напоминал весенний улей: телевизионные магнаты со всех концов света съезжались в Сингапур на международную конференцию по информационным технологиям, регистрировались, получали свои номера люкс и пухлые корпоративные портфели с программой, аккредитацией и дорогой офисной канцелярией, маркированной логотипом конференции – ITU. Уже сутки у стоек ресепшена не смолкал гул из англо-немецко-французской смеси языков: кто-то из випов капризничал, не давая себе труда вникнуть в сложную систему организации отеля, кто-то из разряда заядлых курильщиков возмущался ограниченностью специально отведенных для курения мест. Находились даже такие, кто был недоволен видом из окна, хотя номера люкс, располагавшиеся в зоне «Club», открывали Сингапур с высоты птичьего полета во всем блеске его нереальной, почти инопланетной красоты: с одной стороны, это был многоэтажный урбанистический рай с вкраплениями густых тропических оазисов, а с другой – в город плавно втекал залив с его лиловыми сумерками, багровыми закатами и изумрудной водой.

Совершенно взмыленная, я уже четвертый час стояла у стойки ресепшена и без конца говорила и говорила. Моя коллега Шен Ли, улыбчивая, миловидная китаянка, присоединилась ко мне десять минут назад и поддерживала, как могла, забрав на себя часть работы. Оставалось полчаса до окончания моей смены, когда наметилась пауза и мы смогли немного выдохнуть.

– Хочешь, иди прямо сейчас, я тебя прикрою, – шепнула Шен, поглядывая на мое, наверное, позеленевшее лицо с живейшим участием. Я и правда мечтала вырваться в туалет, умыться и сбросить, наконец, каблуки, которые, казалось, уже намертво прилипли к пяткам, но после смены меня вызвала к себе старший координатор персонала Ванесса Шендрана, видимо, чтобы устроить очередной нагоняй, так что нужно было терпеть до конца.

Шен нравилась мне – мы часто подменяли друг друга, были в курсе некоторых наших личных обстоятельств, легко болтали, беззлобно сплетничая об общих знакомых. Я знала, что она родилась в небедной, но многодетной семье, поэтому сама заботилась о себе. Впрочем, образование она получила блестящее, свободно говорила на четырех языках, фигурку, если не считать крохотную, девчачью грудь и кривоватые ноги, имела отменную, и китайские парни в очередь выстраивались, чтобы заполучить крупицу ее внимания. У стойки возник как раз один из таких – администратор Тони Вонг, уже закончивший смену. У него, как и у меня, над головой клубился нимб труженика.

– Что-то ты припозднился сегодня, с 5 утра на ногах, – промолвила Шен и, кокетливо улыбнувшись ему, участливо спросила: – Устал?

– Пришлось помогать Ванессе, – ответил он, с готовностью притормаживая возле нас.

– Она всегда просит тебя задержаться, – словно намекая на что-то, хихикнула девушка. Я обратила внимание, что она вся встрепенулась, будто ей вонзили укол в одно место, потом расправилась, и круглые щеки ее залились горячим румянцем. О, господи, подумала я, глядя, как подрагивают кончики ее тонких пальчиков, как форменная белая рубашка вздымается на подростковой груди, да этот, кажется, ей нравится.

Тони Вонг работал у нас в отеле относительно недавно, года полтора, и за это время успел вскружить голову не одной девушке. В отличие от здешних анимешных «красавцев», напоминающих подростков непонятного пола, он производил впечатление мужчины: среднего роста, атлетичный, с выразительным остроскулым лицом и блестящими, беспросветно-черными, как сингапурская ночь, волосами, забранными в густой, конский хвост. Двигался он, несмотря на коренастость и мышечную гипертрофию, легко, плавно, пружиня и подпрыгивая при ходьбе,

словно дикая кошка. Конкуренцию ему мог бы составить разве что красавец индус Виджай Бхаи, работавший дворецким в зоне пентхауса, но он был женат, имел троих детей и нереально темные, вывернутые губы.

– Вам еще долго, девушки? – вежливо поинтересовался Вонг. Его раскосые глаза цвета горького шоколада смотрели внимательно, голос был низкий и чуть хрипловатый, отчего казалось, что он старше своих лет.

– Я только заступила, – мгновенно зарделась Шен. – А Кэти скоро сменится.

– Мне еще придется подняться к Ванессе, – я вынуждена была вступить в этот междусобойчик, потому что оба от меня ждали чего-то.

– Неужели опять? – усмехнулся Тони. – Вот это чувство!

– Ей просто нужен кто-то, ну, типа козла отпущения, – не отводя от него восторженного взгляда, прощебетала Шен. – Потерпи, дорогая, пока не придет какой-нибудь новичок, на которого она переключит свое внимание.

Я посмотрела на нее. Похоже, девушка совсем обалдела от чувств к этому парню. Ну, ладно, я часто болтаю лишнее, за что и страдаю, но она, всегда сдержанная и дисциплинированная, и вдруг позволяет себе такую некорректность. Здесь и у стен есть уши.

– Это не поможет, – заверил нас Тони.

– Почему? – в унисон удивились мы.

– Да потому что ты сильно отличаешься от шаблона, которому все здесь следуют, Чен. Ты слишком высокая, слишком белая, слишком строптивая и слишком…э-э, иностранка. Ты непонятная, Чен, а госпоже Шендране не нравится все, что не укладывается в стандартную схему.

Я была почти уверена, он хотел сказать что-то типа «слишком красивая», но передумал, видимо, из-за пожирающей его глазами Шен. В принципе, если не считать «э-э», он попал в самую точку. С первого дня Ванесса невзлюбила меня то ли потому, что я русская и не соответствую ее представлениям о том, кто должен работать в этом отеле, то ли потому, что я вечно лезла, куда не просят, и держалась с ней отстраненно, но каждый раз она отчитывала меня за малейший просчет, замечала любую погрешность и очень расстраивалась, если я не имела к этому отношения.

– Когда ты теперь заступаешь, Тони? – Шен тоже почувствовала, куда клонит Вонг с этим его «э-э», и поспешила перевести разговор с меня на другую, более интересную ей тему.

– Завтра, слава богу, не в 5, а в 10.

– Ой, мы не совпадаем сменами, – искренне расстроилась она, и под администраторской стойкой завибрировала нижняя часть ее тела.

– Зато мы совпадаем вкусами, поскольку оба болеем за «Балестье», – ответил Вонг и, кивнув нам, направился к выходу. Шен еще долго провожала печальным взглядом его удаляющуюся фигуру, а когда он исчез из поля зрения, неосторожно заметила:

– Ну и парень!

Несмотря на то, что мы бок о бок проработали вот уже почти четыре года, я никогда не слышала от нее ничего подобного. Эк ее проняло, подавила я усмешку и решила как-то поддержать подругу:

– Дорогая, так в чем же дело? Ты красавица, ты умница, да любой парень за счастье сочтет, если такая девушка обратит на него внимание. И уж этот Вонг тем более. Давай, действуй, кому, как не тебе?

Шен резко повернулась и посмотрела на меня. Это был странный взгляд, будто я сказала ей что-то обидное.

– Если бы не твои обстоятельства, Кэти, – прошипела она почти со злостью, отчетливо проговаривая каждое слово, – я посоветовала бы *это* тебе…

– Что *это*? – оторопела я. Меня удивил ее тон, укоризна во взоре. Она мне хамит, что ли? Раньше за ней подобного не водилось. – В каком смысле?

Шен обдала меня холодом своей ухмылки.

– Я, конечно, понимаю, ты замужем, Кэти, и занята своей семьей, но ведь ты женщина… Неужели ты ничего не видишь?

– Не вижу чего?

Шен передернула плечами, и ее толстые, перехваченные лентой волосы темной волной упали на грудь. До меня, наконец, дошла вся нелепость ее предположения.

– Подожди, подожди… Ты хочешь сказать, что…Вонг… что Тони Вонг… Боже мой, дорогая, да ты что?.. Ведь он же…

– Ну, договаривай, – обиделась она. – Китаец, ты хочешь сказать? Я знала, Кэти, что вы, европейцы, относитесь к нам, азиатам, с некоторым, хм, высокомерием, но никогда не думала, что ты такая же, как большинство…

– Прости, Шен, я вовсе не это имела в виду, просто то, что ты говоришь, это… это такая несусветная чушь…

– Да если бы, если бы это была чушь… Ты слепая? Ты не видишь, как он на тебя смотрит и какие у него при этом глаза? Или для тебя что, китайцы не люди?

– Шен, ну, что ты, ну, конечно, люди… – начала оправдываться я и тут же осеклась – выходило тупо.

В этот момент к стойке ресепшена подошел за разъяснениями громогласный посетитель, Шен резко оборвала разговор со мной и, нацепив маску любезности, обернулась к нему. Я направилась к лифтам – нужно было подняться наверх, где меня ждала старший координатор персонала госпожа Ванесса Шендрана. Тощая и недружелюбная, как голодная гиена, она сидела в своем кабинете на 8-м, неприятно похрустывала тонкими пальцами с бледным маникюром – яркий категорически не допускался внутренним уставом гостиницы – и презрительно морщилась. Теперь мне предстояло выдержать 15-минутный разнос о пренебрежении правилами этикета отеля. Я выслушала, что, во-первых, я два раза опоздала на 7 и на 13 минут и два раза из-за меня на 7 и на 13 минут задержалась предыдущая смена, что, во-вторых, два дня назад в ресторане для персонала «A.S.A.P.» я слишком громко смеялась за столом, а это просто недопустимо, когда другие коллеги обедают, и что, в-третьих, как-то в лифтовом холле, прямо перед камерами наблюдения я поправляла юбку и прихорашивалась, что уже полное безобразие и т.д. Я стояла этакой махиной на высоченных каблуках и равнодушно кивала, как китайский божок, обдумывая то, что только что сказала мне Шен Ли.

Вонг устроился к нам в отель, когда основной костяк коллектива или, лучше сказать, персонала, поскольку коллективом это сборище людей разных национальностей и цвета кожи вряд ли можно было назвать, уже сложился. Он выделялся на фоне других не только крепкой спортивной фигурой, но и острым языком и независимостью – с первой минуты в нем чувствовались отстраненность от общей свалки, холодная учтивость и внутреннее достоинство. Я никогда никому не призналась бы, но на самом деле Шен была не так уж не права, обвиняя меня в высокомерном отношении к азиатам. Только я назвала бы это, скорее, консерватизмом. Мне и в голову не пришло бы обращать внимание на Вонга как на объект для восхищения – подумаешь, заносчивый, желторотый юнец, да еще и китаец. Правда, не такой Вонг был и юнец – ему исполнилось 24 – и не совсем китаец: отец его – из перанаканов, малаизированных китайцев, а мать – то ли индонезийка, то ли малайка. Поговаривали, что он из хорошей семьи и учился где-то в Америке – Вонг и правда был образован, начитан, разговаривал образно и без этого ужасного акцента, которым отличались все местные. Я симпатизировала ему как симпатизировала бы смышленому ребенку или ведущему развлекательного шоу, меня впечатляли не его красивые азиатские черты или бицепсы, а живая мысль во взгляде, в отличие от робкого подобострастия, присущего здесь многим, и небанальное чувство юмора – парень всем

придумывал забавные прозвища, причем не просто так. Он подмечал самую существенную деталь в характере и обыгрывал ее – получалось здорово. Например, ненавистную всем Ванессу Шендрану он наградил титулом, который мне понравился – госпожа Медуза. Это было не так прямолинейно, как Кобра или Гюрза, и многослойно – не каждый в обслуге понял, что тут имеется в виду не только жестоко жалящая обитательница океана, но и чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, обращающее в камень ядовитым взглядом всякого смотрящего. Прозвище прижилось, как прижились и все остальные. Шен Ли он иногда называл Дань, и как-то она просветила меня, что «дань» – это рассвет по-китайски. Глядя на нее, я и сама часто думала, что по сравнению со мной, оживающей ближе к ночи, Шен – ранняя пташка. Во сколько бы ни начиналась утренняя смена, да хоть в пять утра, она всегда была свежа, очаровательна, приветлива и энергична.

Мы с моей подругой Джованни Замани иногда обсуждали Вонга, раздумывая, и что такой, как он, забыл на низкооплачиваемой должности администратора, пытались даже выявить симпатию между ним и Шендраной в надежде, что последняя поддерживает его в карьерных устремлениях, но тщетно – даже намека на подобную связь не было. Джо он активно не нравился – она вообще терпеть не могла того, чего не понимала: Тони был спортсменом и йогом, вел здоровый образ жизни, висел в своих асанах, не пил, не курил, чарам ее не поддавался, а кроме того, ее раздражали его независимость, которую она принимала за надменность, и остроумные выпады – она называла их «жалкими потугами выскочки».

Как-то мы с Вонгом совпали сменами, это было довольно весело, после чего стали немного общаться и не близко приятельствовать: называли друг друга шутливо, не по имени, а по фамилии, передавали приветы родным, которых в глаза не видели, собственно, вот и все. Правда, он всегда шел мне навстречу – приходил раньше, чтобы подменить, прикрывал, если мне срочно требовалось уйти, пару раз даже отдежурил за меня ночь, но это была обычная практика между коллегами, я поступала точно так же по отношению к другим, а вот чтобы он как-то по-особенному смотрел или проявлял бы ко мне соответствующий его полу интерес – как такое возможно, если я старше его, другой расы и у меня семья, да он даже на кофе меня никогда не приглашал! Впрочем, год назад я имела из-за него неприятный разговор с мужем…

…Вонг принес моим дочкам двух коллекционных медведей Bearbrick: Тате – Horror Bearbrick, Ане – разрисованного в стиле совместной работы Энди Уорхола и Жан-Мишеля Баскии. Это было ответным шагом с его стороны после того, как я, единственная из всего коллектива, поздравила его с днем рождения и подарила настенный календарь с его оформлением – он часто фотографировал Сингапур с разных ракурсов и в разное время суток, и мне не составляло труда собрать эти фото и сделать коллаж в фотомастерской. Дело в том, что здесь никто никогда не дарил друг другу подарков ни на праздники, ни на дни рождения. Мне показалось это диким, и я, как только немного освоилась, предложила что-нибудь изменить в сложившейся системе. Шендрана демонстративно проигнорировала меня, остальные, испугавшись, не поддержали, и тогда я решила действовать самостоятельно. Народ перешептывался, переглядывался, дескать, и что эта русская вытворяет, уж не с ума ли она сошла, в самом деле, но постепенно все привыкли к небольшим знакам внимания с моей стороны, воспринимали это положительно, каждый раз обещая уж в следующий день рождения обязательно присоединиться ко мне и вместе скинуться на подарок. Вонг был новичком, ничего этого не знал, и когда я при всех поздравила его и вручила календарь, который, кстати, отлично получился, бог мой, что тут началось! На Тони было больно смотреть: всегда остроумный и находчивый, он онемел, потом залился пунцовой краской смущения. От его заносчивости не осталось и следа. В конце концов, он проблекотал что-то нечленораздельное, типа: «Это…мне? Но…зачем? Впрочем… спасибо, спасибо!» «Спасибо» он твердил бесконечно, пока мне не надоело его слушать. Я подошла и чмокнула его в гладко выбритую щеку. Почему-то мой глупый поцелуй обескуражил его еще больше, он странно посмотрел на меня и, бормоча благодарности, ретировался со

своим календарем. «Ей-богу, как дети», – подумала я тогда с недоумением и внутренней убежденностью, что эти сингапурцы – чудн*ы*е люди, раз обычное проявление внимания они воспринимают почти как пришествие инопланетян. На следующий день он впервые назвал меня на китайский манер – Чен, смешно сократив мою фамилию Чендлер – видимо, это должно было означать, что мы теперь с ним одной крови – и вручил этих медведей, причем, к каждому мишке прикрепил забавную открытку и подписал: «For Anya», «For Tata». Мой муж Даррен, с пристрастием осмотрев медведей, заявил, что обмен подарками неравноценный, и потребовал немедленно вернуть их.

– Нет, ни за что! – закричали дочки, которые только что дрались из-за Horror Bearbrick и поочередно отпихивались от непонятного им Энди Уорхола. Подхватив игрушки, они бросились врассыпную и закрылись в разных комнатах.

– Эти чудовища стоят, как навороченный самокат, или даже как легкий мотоцикл, по тысяче американских долларов за штуку. А Уорхол, кстати, потянет на все полторы.

– Да не может быть, – удивилась я. – Какие две тысячи долларов? Тони Вонг работает простым администратором и получает меньше, чем я.

– Ну, ты совсем дура, sweety… – подытожил муж и для убедительности покрутил пальцем у виска. – Медведи хоть и отвратительны, но не фейки, это очевидно. Пойди отбери у них Уорхола и посмотри, какого качества рисунок, какие выверенные, тонкие линии, а сам пластик? Такой ровной может быть только кожа младенца…Чтобы простой сингапурец из-за какого-то сраного календаря на день рождения так потратился на дочек коллеги, которых даже в глаза не видел? Попробуй убеди меня, что ты не крутишь с ним роман…

Поскольку это была обычная манера Даррена вести со мной диалог, я проигнорировала его выпад и, пожалев девочек, а вернее, решив избежать дикой истерики и скандалов, не стала возвращать мишек Тони – парень явно был сражен знаком внимания с моей стороны, поэтому решил проявить чудеса невиданной щедрости. Возможно, он и правда не так уж стеснен в средствах. Здесь многие работающие на не самых престижных и высокооплачиваемых должностях не бедствовали – например, Джованни Замани, внебрачная дочь промышленника из Куала-Лумпура, или Шен Ли, чьи обеспеченные родители вырастили шестерых детей и теперь отпустили их в самостоятельное плавание. Что за ерунда, Дань, усмехнулась я про себя. Глупая ревность совершенно застила тебе глаза, раз ты принимаешь чувство благодарности и простую учтивость со стороны Вонга за нечто особенное.

Получив в результате взыскание от Ванессы еще и за то, что глупо ухмыляюсь во время ее монолога вместо того, чтобы проникновенно слушать, я побежала на шаттл до метро в полной уверенности, что забыла о словах Шен навсегда.

На следующий день я столкнулась с Вонгом в лифтовом холле на 8-м. Это был производственный этаж, где располагались кабинеты руководства среднего звена, комнаты отдыха и раздевалки, небольшой конференц-зал для еженедельных летучек. Мой рабочий день, такой же напряженный, как и предыдущий, наконец, закончился. Сменив узкую форменную юбку на джинсы, а туфли на каблуках на уютные лоферы – внутренним уставом отеля нам запрещалось даже переобуваться в шлепки или в босоножки – я ожидала лифта и нервно поглядывала на часы, боясь опоздать на шаттл.

– О, привет, Чен, – окликнул меня подошедший Вонг, нажимая кнопку лифта наверх – кнопка вниз уже горела призывным красным цветом. Меня словно прошило током, потому что обычно мы пересекались с ним нечасто, а тут две смены подряд, да еще после вчерашнего разговора с Шен, который не давал мне покоя. Взгляд его был проницательным и долгим, как у врача на приеме. Заметив, что я не в форменной одежде и тороплюсь, он поинтересовался:

– Закончила? – и тут же поправился: – Извини за идиотский вопрос.

– А ты, Вонг, я вижу, нет, – несмотря на то, что ответ был очевиден – Тони тоже поменял строгий черно-белый дресс-код на стиль smart casual – я решила подыграть ему.

– Я как раз да.

– Тогда почему наверх, Вонг? Что ты там забыл? Извини за бестактность.

– Свое вдохновение. Хочу поснимать закат на 56-м. И у меня есть волшебная отмычка, – и он вытащил из кармана и продемонстрировал мне настоящий анахронизм – железный ключ с ажурными крылышками, который давно не использовался в номерном фонде пятизвездочных отелей. Я сразу поняла, что это ключ от подсобки его приятеля. Ахан бин Осман был инженером кондиционерных установок и приходил в гостиницу раз или два раза в неделю. Маловыразительный, мелкий, он вечно прошмыгивал мимо, словно стесняясь попасться кому-нибудь на глаза, носил темную робу и отличался хлипкостью. Я всегда удивлялась, как он справляется со своей многочисленной бригадой и с мощной, разветвленной кондиционерной системой, установленной в восточном блоке отеля. Но все, кто знал его ближе, говорили про него, что он – отменный профессионал. С Вонгом они общались, и это был еще один повод недоумевать, что может связывать таких разных людей, как заносчивый китаец-полукровка и тщедушный простенький малаец, выходец из Лангкави.

– С 56-го открываются сногсшибательные виды. Уж на что я прожженный сингапурец, но клянусь, это самый крутой ракурс. Ты когда-нибудь видела Сингапур глазами птицы, Чен?.. – вопрошал он, будто я не работала в гостинице-небоскребе четыре с лишним года, и вдруг без всякой паузы предложил: – Хочешь со мной?

Я оторопела – не от неожиданности, а, скорее, оттого, как он произнес это. Он не сказал: «Пойдем посмотрим?», он сказал: «Хочешь со мной?» – и это прозвучало так, будто мы и в самом деле близкие друзья. Я решительно покачала головой. Он пожал плечами и улыбнулся – широко, белозубо, без обычной учтивости, и я не поняла, расстроился он или нет. Приехавший лифт со стрелкой down развернул свои лопасти передо мной – и, о, незадача! – он был до отказа набит туристами, возвращающимися со смотровой площадки на крыше. Я упрямо попыталась втиснуться, но они в знак протеста уплотнились, и кто-то тяжко и разгневанно вздохнул. Вступать в пререкания с гостями нам запрещалось, поэтому я отступила, и автоматические двери тут же отрезали меня от них.

– Не переживай, Чен, это не последний в твоей жизни, – утешил Вонг. Через секунду прибыл лифт со стрелкой up, и он был полупустой – пожилая пара и темнокожая женщина с девочкой. Тони вдруг протянул мне свою руку. Если бы он сказал хоть слово, я, наверное, снова повторила бы отказ, но он молчал, терпеливо держал передо мной распахнутую ладонь и просто смотрел своими шоколадными глазами – выжидательно, испытующе, типа: «Ну?» Это все решило. Уже в кабине, поглядывая на свое всклокоченное отражение в тонированных зеркалах, я подумала: господи, куда я прусь, зачем мне это нужно, но переведя взгляд на Тони, на его невозмутимый профиль, я перестала рефлексировать – любопытство перевесило.

На 56-м были лишь технические помещения, склады, кондиционерный зал и похожие на соты комнатки, используемые для подсветки крыши. Где-то в самом конце коридора располагалась подсобка Ахана, до того крохотная и захламленная, что когда мы вошли, я тут же споткнулась об одну из коробок, которыми все было заставлено, ударилась и, потирая ногу, недовольно спросила:

– Черт возьми, Вонг, и где же здесь самый крутой в мире ракурс?

– Ой, прости, не предупредил тебя, – сказал Тони и ловко схватил меня за запястье. – Пойдем, еще секунда! Здесь есть, хм, балкон, и вид оттуда – сумасшедший!

Чертыхаясь и кляня себя – сама виновата, и зачем поперлась? – я, тем не менее, потащилась следом. Сделав несколько шагов, он с шумом открыл жалюзи, и я невольно зажмурилась от ворвавшейся в комнатенку полоски пыльного света. Думая, что не совсем свежее панорамное окно и есть конечная цель нашего путешествия, я хотела полюбоваться закатом, раз уж

пришла, и быстро ретироваться, но Тони продолжал пробираться дальше, на мой взгляд, уже без всякой цели. Наконец, он остановился и обернулся ко мне. В его глазах сверкнули лукавые искорки:

– Чен, готова? Сейчас выйдем на балкон. Обувь лучше снять.

Несмотря на то, что у меня оставались вопросы – что ты придумываешь, где здесь чертов балкон, за каким хреном ты привел меня сюда? – я легко рассталась с почти прилипшими к ногам лоферами – слава богу, педикюр у меня был в порядке. Он щелкнул каким-то затвором на окне и вдруг толкнул его – окно задрожало и с треском вывалилось прямо в разверзшееся синее небо.

– А-ай! – заорала я что было мочи и вцепилась в его руку.

– Чен, да не бойся ты, посмотри, это всего лишь открытая стеклянная дверь, – уговаривал меня он и все тянул и тянул куда-то.

– Да ты что, ты решил покончить жизнь самоубийством? И меня с собой прихватить? – кричала я, упираясь, сжимая его ладонь сведенными судорогой пальцами, не в силах размежить веки от страха.

– С тобой, Чен, я, наоборот, наслаждался бы каждой секундой этой жизни… Эй, ну, посмотри, это же пол, твердый пол, ну?..

Почувствовав под ногами гладкую, продавленную поверхность, я оттолкнула его руку и приоткрыла глаза. Нет, я стояла не на полу, никакого пола, стен, перегородок и в помине не было. Сооружение напоминало стеклянный пенал: кругом только воздух, птицы и кроваво-красный горизонт, в который плавно погружалось огромное солнце. Где-то далеко под нами в чаше залива лежал город, расслабленный и ленивый после дневного зноя, а через невидимые стекла в пенал нагло лезло темнеющее небо. Ни в одном люксе я не встречала ничего подобного! Небо было повсюду: оно расстилалось под моими ногами синим бархатным ковром, темным покрывалом укутывало прозрачный купол пенала, справа и слева проносилось вместе с громогласными чайками, а вокруг не было ни стен, ни опоры.

– Красиво, правда? – прошептал Вонг и добавил: – Не бойся.

– Я не боюсь, – храбро ответила я, но язык мой ворочался с большим трудом.

– Я это понял, – усмехнулся он и вдруг прикоснулся губами к своему запястью, к тому самому месту, в которое минуту назад впивались мои пальцы. Это движение, такое неожиданное, такое чувственное, ошеломило меня. Внутри что-то включилось, переведя организм в состояние невесомости, ноги подкосились, в висках застучало, и я непременно упала бы, если бы Вонг не кинулся ко мне, не подхватил и не усадил прямо на стеклянный пол пенала.

– Не смотри вниз, – услышала я, как через беруши, его голос, – смотри на меня, только на меня…

Я и послушалась. Резинка, стягивающая его волосы, ослабла, и они, словно черная шторка, упали, завесив от меня небо. Я увидела его приближающееся лицо, почувствовала терпковато-мандариновый аромат парфюма. Мелькнула здравая мысль, что надо бы отодвинуться, увернуться от него, что я веду себя, как влюбленная Шен, над которой я вчера потешалась, эта здравая мысль мелькнула и исчезла, растворилась в воздухе… Своей острой, прохладной скулой он скользнул по моей шее, щеке, что-то прошептал в ухо, я сразу забыла что, потому что от этого стало жарко, потом щекотно, и по спине забегали мурашки… Он только дотронулся губами до моих губ и будто вдохнул в них нечто целительное… Было так небывало хорошо, что я просто не могла пошевелиться, боясь, что это чарующее состояние пройдет так же быстро, как накатило. Ощущение невесомости, когда собственное тело не слушается, а сердце ухает где-то в районе солнечного сплетения, мешая дышать, охватило меня. Из памяти вдруг вылетело все: заботы, дети, проблемы в семье, моя мучительная многолетняя влюбленность не в того человека… Я протянула руки – они сразу утонули в густой жесткой шевелюре – и с силой привлекла его к себе. В царящем вокруг фиолетовом полумраке вместе со мной был

только он, этот китаец-полукровка, его ставшие огромными глаза, спутанная конская грива волос, изворотливый, горячий язык, ворвавшийся в меня, словно ураган… Голова закружилась, и меня, как обалдевшего от взыгравших гормонов подростка, накрыло волной чувств, которые я считала давно угасшими, и унесло на седьмое небо – впрочем, я и так была на нем…

…Очнуться от дурмана пришлось, и довольно быстро: настойчивый дребезжащий звук высверлил дырку в моем и без того помутневшем сознании – кто-то звонил на чей-то мобильный. Я распахнула глаза. Совсем стемнело. Город под нами сверкал люминесцентными огнями, а включенная подсветка крыши, переливаясь от слепящего салатового до ярко-фиолетового, бликовала на его лице, забиралась под ресницы. Оттолкнув его, я приподнялась на локте, встряхнула головой. Он открыл глаза, выдохнул: «О-оу, Кэ-эти…», и это чужое имя, приклеившееся ко мне вместо моего настоящего имени Катя, прозвучало так проникновенно, что я невольно вздрогнула. Это было словно объяснение в любви.

– Боже, боже, что я делаю… – пробормотала я в ужасе и постаралась стряхнуть с себя эти бесконечные волосы, отодвинуться от этих рук, увернуться от этих губ, от этого завораживающего, темного взгляда.

– Ты целовала меня, Чен… И это было та-ак классно…

– Прекрати, Вонг, хватит! – крикнула я, наверное, чересчур громко и невольно потрогала рукой свою пылающую щеку, о которую он терся, словно брошенный котенок о человеческую ногу. Боже, боже… что я натворила… Моя белая рубашка валялась на прозрачном полу пенала, лифчик болтался на бретельке, как сумка, переброшенная через плечо. До чего мы дошли!.. Тони дотянулся до рубашки и сел рядом, в мрачном освещении сверкал его словно отполированный торс, плечи укрывали блестящие, отливающие кобальтом волосы. Или, черт возьми, не дошли…

– Ты порезалась о мои скулы? – усмехнулся он и, видя, что я путаюсь в лифчике, протянул ко мне руку, будто собирался помочь: – Мечты сбываются, Чен. Я хотел этого…

– Чего этого? Застегнуть на мне бюстгальтер? – я вырвала у него рубашку и начала лихорадочно напяливать ее на себя.

– Как раз наоборот…

– Заткнись, Вонг!

– Я хотел прикоснуться к тебе…

– Не интересно, Вонг, – торопливо одеваясь, буркнула я. Пальцы дрожали и не слушались, пуговицы, прокручиваясь, ускользали от меня, как живые. – И вообще… да какого черта? Ведь ты же знаешь, ты знаешь, что я замужем, знаешь, что у меня дочки… Как ты смеешь говорить мне такое? И как ты вообще смеешь… ну, *это все*…

Я поднялась, но слишком быстро – в чертовом пенале действовали другие законы гравитации – и, покачнувшись, едва удержалась на ногах. Тони подскочил ко мне.

– Чен… – он обхватил меня за плечи, шею снова обожгло его горячим дыханием, – разве оно не чудесно, скажи… *ну, это все*? Ты ведь сама это чувствуешь…

Его глаза были напротив моих, из них сочилась, вливалась в зрачки, разгонялась по венам, обдавая теплом, нежность, но я отпрянула от него. Я не собиралась позволить моему сердцу размякнуть и растечься, как горячий шоколад.

– Не хочу слушать тебя, Вонг, заткнись. Немедленно отпусти меня!

Он послушно разжал руки. Теперь я стояла в центре пенала, лишенная опоры и его тепла, окруженная со всех сторон прохладой кондиционера и темным небом, и злилась.

– Это несправедливо… – не сдавался он.

Не собираясь вступать с ним в разговор, я все же спросила:

– Что?

– Да это твое «замужем»… Ты… и он, этот Чендлер… Зачем, Чен? Ведь ты его не любишь…

Задохнувшись от такой наглости, я не сразу смогла закончить фразу:

– Что?! Да ты… да ты с ума сошел, что ли? Да ты… с чего ты это взял вообще? Кто тебе это сказал?..

– Чен… – он смотрел на меня с нежностью, как смотрят на милую, ничего не соображающую малолетку. – Мне не надо ничего говорить, я и так все вижу… Ты несчастлива, а так не должно быть…

– Ну, вот что… Немедленно заткнись и забудь, забудь все, что только что мне сказал! Да, может быть, между нами и не кипят страсти, но я замужем 9 лет, и меня моя жизнь вполне устраивает, понятно?

– Да разве это жизнь, Чен? – философски изрек он и пожал плечами.

– Тебя это не касается, ясно? И… убери свою дурацкую ухмылку! – взвизгнула я и выпрыгнула, как балерина, из этого пенала прямо в подсобку Ахана, нащупала свои лоферы и начала продираться к выходу. Как он смеет, повторяла я, натыкаясь на коробки, острые углы, что-то неровное на полу, да кто он вообще такой, чтобы говорить мне подобное? Китаец-полукровка, недоделанный плейбой, заносчивый индюк, несносный зануда, придурок…

– Чен, подожди, дай я хотя бы свет включу… Просто позволь мне… – попросил он.

Я оглянулась. Он покорно снял улыбку с лица, теребил в руках свою рубашку и не двигался с места. Луч прожектора на крыше гостиницы то и дело выхватывал из темноты его живописный торс.

– Мне наплевать на то, что ты скажешь… И не смей больше…

– Ну, раз так… – недоговорил он, пожимая плечами.

– Иди ты к черту! – прошипела я и, не подумав о приватности этой встречи и о возможных последствиях несоблюдения элементарных мер предосторожности, распахнула дверь и выскочила в коридор. В лифте я с пристрастием изучила свое отражение в тонированном зеркале. Лицо горело, словно его поджарили на солнце, губы отливали цветом помады «Спелая слива», которой я никогда не пользовалась, белоснежная рубашка была изжевана и прилипла к подмышкам… И эти взбесившиеся влажные кудряшки, они мне так мешали, они топорщились в разные стороны, лезли за мятый воротник… Я вдруг вспомнила слова, которые он вдувал мне в уши: дивные, дивные волосы… не видел ничего прекрасней… в них купается солнце… Нащупав в сумке телефон, я стала листать страницы записной книжки. Надо было спешить.

Я никак не могла заснуть, лежала с открытыми глазами и тупо пялилась в мерцающие пятна на потолке – так причудливо и таинственно бликовал бассейн, находящийся во дворе нашего дома. Хотелось есть, мешал мой выстриженный, лысый затылок, страшно раздражал храп Даррена, но я знала – причина моей бессонницы не в этом. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, вылезла из-под одеяла и спустилась на кухню. Открыв холодильник, стала изучать его содержимое, и без того хорошо мне знакомое, да так и зависла у распахнутой дверцы. В голове бродили, не давая покоя, одни и те же мысли… Я не распространялась про свои личные обстоятельства, делилась сокровенным только с Джованни, да и то выборочно, а тут двадцатичетырехлетний китайский парень, с которым до вчерашней встречи на 56-м я едва общалась, вдруг вывалил мне про меня такие подробности, и подробности эти были в самую точку. Я злилась, ужасно злилась на Вонга за то, что он назвал вещи своими именами, хотя никто его об этом и не просил…

…Мы переехали в Сингапур 5 лет назад, когда нашим девочкам-близнецам едва исполнился годик. Это была, скорее, вынужденная мера, нежели охота к перемене мест или желание моего мужа, инженера-строителя Даррена Чендлера добиться карьерного роста. Прекрасный специалист, талантливый организатор, он становился удивительно несговорчивым и тупоголовым, когда дело доходило до важных финансовых вопросов. Аня и Тата еще только должны были появиться на свет, как Даррен вдруг решил, что манхэттенская квартира, доставшаяся

ему в наследство от родителей, будет теперь тесновата для нас, и, невзирая на мои настоятельные просьбы не рисковать, выставил ее на продажу и внес задаток за новый дом в Статен-Айленде. Из роддома он привез нас с девочками прямо туда, где все было в целлофане, в мутных разводах от краски и в пыли, и уехал на работу, а я, вся перевязанная, отекшая, измученная после непростых родов, да еще с непрестанно орущими детьми, начала потихоньку вывозить грязь и отмывать побелку. Да, он был прекрасен этот небольшой уютной дом, с четырьмя спальнями, на второй линии от океана и красивым садом, и стоил соответственно, а квартира в связи с кризисом и всеобщим подорожанием никак не хотела продаваться. Впереди маячило совсем не светлое будущее, мы увязли в долгах и кредитах, с чем я, выросшая в достатке, в любящей и заботливой семье, столкнулась впервые. Через полгода после родов, в очень тяжелый для меня момент Даррен взял да укатил в командировку не на день и не на два – на целые полтора месяца. Моя мама приехать не смогла из-за проблем с визой, две его еврейские родственницы, которых он неустанно поддерживал, несмотря на финансовый кризис, терпеть меня не могли, хотя видели 2 раза в жизни, и я снова осталась одна с крохотными малышками. Он не узнал меня, когда вернулся – из-за переживаний и забот я скинула 15 килограммов, которые набрала во время беременности. Обалдев от моего вида – наверное, он считал, что я навечно останусь толстухой – затащил меня в постель, и тогда я впервые ощутила *это*… Никто не мог найти рационального объяснения, но с детства я обладала сверхчувствительным носом, невидимыми мембранами улавливая все нюансы и примеси в квинтэссенции человеческих запахов. Я могла бы с закрытыми глазами опознать любого знакомого, незаметно проскользнувшего в комнату, а во время учебы в универе, где бурлила жизнь и все крутили романы со всеми, я безошибочно угадывала, как бы любовники ни пытались это скрыть, кто и с кем. И вот от моего вернувшегося из командировки мужа, от его вещей, волос и тела пахло чем-то неизвестным, приторным, слащавым, и я поняла – это запах другой женщины…

Там, в подсобке Ахана, под куполом неба я бросила Вонгу в лицо: мы женаты 9 лет, между нами не кипят страсти, и меня такая жизнь вполне устраивает – эта нейтральная фраза на самом деле была наполнена драматизмом. Я выскочила за Даррена стремительно и безоглядно, как если бы мне сказали: замуж или смерть, и я, не задумываясь, выбрала первое. На его месте в принципе мог оказаться почти любой – я находилась в депрессии и так страдала от безнадежной любви к своему шефу, что готова была ускакать, куда угодно, лишь бы не видеть, не слышать, не встречать его, а тут такой расклад – молодой американец, инженер-строитель, сын правоверных евреев-дантистов, сам человек самостоятельный, небедный и совершенно светский, без разных там религиозных предрассудков, да еще влюбился в меня по самые уши… Мама, чувствуя подвох во всем этом, активно отговаривала меня, сокрушалась, что нет в живых его родителей, которые не позволили бы своему сыну жениться на нееврейке, и что нет отца, который мог бы убедить меня не делать глупостей… Папа, известный архитектор, ученый, педагог, мой обожаемый кумир и авторитет во всем, скоропостижно умер за полгода до нашей встречи с Дарреном, и эта неожиданная потеря тоже повлияла на мое решение все бросить и угнать в Америку. Именно этот мой опрометчивый и легкомысленный поступок определил всю дальнейшую жизнь – неустроенную, безалаберную и несчастливую. Я сразу, в первую же нашу ночь поняла, что совершила ошибку, связав себя с нелюбимым – до этого мне не приходилось встречаться с человеком, который не вызывал у меня никаких чувств. Его немногочисленные, оставшиеся в живых родственники, 90-летняя скрюченная, как корни многовекового дуба, вся в жирных бородавках, тетя Сара и ее не менее неприятная 58-летняя дочь, усатая старая дева Ребекка с задницей размером с Австралию, люто ненавидели меня только за то, что я отказалась проходить гиюр. Наказывая себя за нелюбовь, я наказывала и его, втайне надеясь, что он не выдержит и, наконец, прогонит меня обратно в Москву. Бросаясь из крайности в крайность, я то брала уроки актерского мастерства, то загорелась идеей заняться дизайном и поступила в университет, заставив Даррена выложить за мое обу-

чение кругленькую сумму, то, увлекшись инструктором по фитнесу, в жилах которого текла горячая латиноамериканская кровь, ввязалась в бурные отношения, то вдруг послала всех к черту и стала паковать чемоданы, собираясь вернуться к маме. Даррен какое-то время терпел мои метания и причуды, памятуя о загадочной русской душе – слава Богу, про инструктора он не пронюхал! – потом, узнав, что я купила билет в Москву, устроил скандал, кричал, что мама и тетя Сара предостерегали его от женитьбы на «гойке», а он не послушал, и вот к чему это привело, что я его использовала, а теперь собираюсь бросить, и потребовал вернуть деньги, которые он потратил на меня. Приютившая меня подруга, тоже эмигрантка из России, уговаривала, применяя запрещенные приемы: просторная квартира на Манхэттене, карточка American Express в моем распоряжении, да ты что, дорогая, ты готова бросить все это, да ты совсем больная? Я упорно сопротивлялась, готовилась к отъезду, пока вдруг не поняла, что беременна. Страшно подумать теперь, что я на полном серьезе планировала аборт, и только вмешательство мамы удержало меня от еще одной глупости. Правда, я тут же совершила другую. Мама убеждала, что малыш должен родиться в Москве, на родине, а уж захочу ли я потом вернуться к его отцу – это мне решать. Я не послушалась ее тогда, струсила – а как растить ребенка одной, без мужа? – и вскоре снова пожалела. Когда сразу две прелестные зеленоглазые девочки появились на свет, Даррен обезумел от счастья, но предупредил: ты можешь делать, что угодно, можешь мотаться к маме в Москву, можешь вызвать ее к себе, можешь хоть на голове ходить, но мои дочери – американки и с тобой никуда не поедут, а уж в Россию, где я не смогу вас достать – тем более. Я вынуждена была согласиться с этими правилами игры, но все же решилась на протест, и довольно громкий – вопреки недельным главам Торы, предрекающим наречь девочек, появившихся на свет в месяц Нисан, либо Эстер и Илана, либо в честь праматерей еврейского народа, я назвала близняшек русскими именами Анна и Татьяна. Узнав об этом, две злобные еврейские родственницы не явились на смотрины, что меня, надо сказать, обеспокоило мало. Со временем, правда, я привыкла и даже стала находить маленькие радости в этой нашей с Дарреном совместной жизни: он был равнодушный, но незлой, хамоватый, но не грубиян, успешный и состоявшийся в профессии, но вне ее совершенно недалекий, что позволяло мне легко манипулировать им. Его возрастающая с годами мужская привлекательность была обратно пропорциональна его сексуальности – интимная сторона жизни интересовала его несильно, что меня вполне устраивало.

Длительная командировка Даррена обернулась и другой стороной. Там он работал с коллегами из Сингапура, которым понравился его подход к делу, высокий профессионализм и рисковый характер, и неожиданно ему пришло оттуда выгодное предложение – должность специалиста по управлению поставками и ресурсами в Сингапурской строительной компании «UWConstruction LTD» с очень неплохим годовым окладом. Несмотря на то, что до этого я знала Сингапур лишь по декадентскому романсу Вертинского «Танго «Магнолия» и с трудом представляла, что это за бананово-лимонный город-страна, я восприняла предложение как подарок судьбы. Сингапур с его размеренной и более организованной жизнью, с яркими красками вечного лета, вкусными тропическими фруктами, с ароматом благоухающих магнолий и буйно цветущими орхидеями понравился мне гораздо больше, чем неуступчивый, промозглый Нью-Йорк, в котором я то и дело с грустью вспоминала Москву и свою безмятежную жизнь с родителями. Девчонки сразу полюбили бассейн во дворе, где можно было купаться круглый год. Удивительно, но и обожающий Нью-Йорк Даррен тоже быстро привык к тропическому образу жизни, а как специалист по поставкам и ресурсам он чаще обычного ездил в командировки, что мне было только на руку. С деньгами стало полегче – нью-йоркская квартира, наконец, продалась, школу для девочек и комфортные апартаменты оплачивала принимающая сторона. Как-то Даррен сказал мне, что материнское общество компании «UWConstruction LTD», а именно строительный холдинг «PMW Developments Groups» с его многомиллиардным оборотом участвовал в инвестировании и строительстве крупнейшего гостиничного комплекса в

Сингапуре, и сейчас открывается новый блок «East», куда активно подыскивается персонал. Убедив мужа, что вторая зарплата нам не помешает, я упросила его нажать на нужные рычаги, чтобы меня пригласили на собеседование не просто как человека с двумя высшими образованиями, прекрасно владеющего английским, а как члена семьи сотрудника дочерней компании «PMW Developments Groups». Так, спустя всего полгода после переезда я стала менеджером по размещению в блоке «East» шикарного отеля, и после нескольких лет полного бездействия эта работа радовала меня, несмотря на то что она кардинально отличалась от всего того, чем мне приходилось до этого заниматься. Из Москвы к нам стала чаще приезжать мама, и все мы были счастливы такой перемене.

Правда, я долго не могла избавиться от мерзкого чувства. Этот флер другой женщины, который муж притащил с собой из давней командировки, этот приторный запах духов с нотками жасмина преследовал меня, не вытравливался ни шампунем, ни гелем, он въелся в его тело, в мою душу… Я знала почему – это был запах предательства. Но я не стала устраивать ему допрос – он назвал бы меня собакой-ищейкой с извращенным сознанием – и не забыла. Да, я выскочила за него без любви, я использовала его, я изменяла ему, но теперь чувство вины исчезло – мы были квиты.

…Захлопнув дверцу холодильника, я налила себе воды и нехотя поднялась наверх. Закинув скрещенные руки с розоватыми пятнами витилиго на мою половину кровати, Даррен мирно спал, посапывая в подушку. Полоска тусклого света от уличного фонаря легла на его лицо, утяжелила рубленый квадратный подбородок, удлинила и без того большой нос, обезобразила полуоткрытый рот с подрагивающей верхней губой, сделав его похожим на неровную, черную щель… Глядя на него, спящего, я подумала: какая особая, изощренная жестокость в том, что именно сегодня ночью он вдруг решил завалиться ко мне и с рвением принялся исполнять супружеский долг, который давно не отдавал мне. Все внутри меня восставало против этого, сжималось от отвращения к нему, к его холодным рукам, мокрым губам, тяжелому телу, и чтобы не закричать, я крепко зажмурилась и просто представила облака и небо со всех сторон, вязкий омут темных глаз, голый торс, светящийся в лучах прожекторов, и мягкие губы на моих губах, которые делали такое, отчего и семь часов спустя я испытывала спазм внизу живота…

Черт возьми, этого еще не хватало, разозлилась я, забралась на кровать, столкнула со своей подушки руки Даррена. Накрывшись с головой, попыталась прогнать ненужные мысли и в этой борьбе с собой, наконец, заснула.

Когда улеглась суета и все випы разместились, мы решили сделать небольшой брейк и поднялись на 38-й, в служебный ресторан «A.S.A.P», который по привычке называли забегаловкой. Наверное, трудно было найти людей более далеких, более несхожих, чем наша троица: я, русская девушка, волею судьбы заброшенная на другой конец света; взрывная, веселая, острая на язычок Джованни Замани, внебрачная дочь промышленника из Куала-Лумпура, и юноша из небогатой многодетной семьи, уроженец Сингапура, осторожный и немногословный Тан Нур, которого мы с Джо считали нашей закадычной подружкой. Набрав на шведском столе разносолов: обжигающе горячую асам лаксу, остро пахнущий сатэ с говядиной, конвертики кетупат с белоснежным рисом внутри, хрустящего хайнаньского цыпленка, мы уселись в эркере у окна, вытянули сомлевшие ноги, а услужливый Тан расставлял для нас напитки: Джованни – латте, мне – тек-тарик с личи, себе, любимому – горячее кокосовое молоко, которое он обожал, видимо, недополучив в детстве. Сдвинув живописные черные брови и насупив изящный носик, отчего черты ее красивого смуглого лица приобрели птичье выражение, Джо пригубила кофе и выпрямилась. Она считала себя лидером в нашей троице, хотя по возрасту была моложе и меня, и Тана. Но, во-первых, она выступала на правах старожила, работая со дня основания гостиничного комплекса еще в блоке «West», во-вторых, это позволял ей статус «любимой

жены» – руководство выделяло ее среди других, почти не трогало и даже немного побаивалось ее злого язычка. Правда, мне всегда казалось, что это происходило не как следствие первого или второго, а именно в-третьих – положение ее отца, который работал в руководстве крупной малазийской компании по микроэлектронному производству, обязывало. Она называла меня деткой – baby, Тана малышом – kiddy, не вкладывая в это уничижительного смысла, была чересчур эмоциональной, но незлобивой и неглупой, лишнего не болтала, относилась ко мне покровительственно, но искренне и почти нежно, и я ценила это, считая ее своей единственной подругой здесь, и платила тем же.

Картинно разведя ладони над заполненным едой столом, Джо цокнула языком. Я невольно улыбнулась, вспомнив историю с прозвищами, которые придумывал для всех изобретательный Вонг. Джо приятельствовала с индуской Нишей Шармой, работавшей супервайзером в зоне «Horizon». Ниша, как и большинство представительниц ее расы, была сочной, крутозадой красавицей с огромными глазами-вишнями в пол-лица, гривой пышных черных волос и грудью необъятного размера. Она обожала крупные украшения из желтого золота и туфли на каблуках. Увидев их вместе, Тони Вонг, видимо, очень впечатлился этим зрелищем и дал им яркие, как и их обладательницы, и необидные прозвища – девушка-приз и девушка-торт. Вонг, конечно, придурок, но эти эпитеты как нельзя лучше отражали их суть.

– Фу-у, наконец-то еда! Ну и кошмарище! Как я ненавижу все эти конференции, а эта International Telecommunication Union, по-моему, хуже всех! Кажется, впервые присела за эти два сумасшедших дня… – она, наконец, обратила на меня внимание и от неожиданности резко выругалась: – Да твою ж мать!

Тан, который всегда всего опасался, зашикал на нее.

– Да ты вообще видел, что эта ненормальная с собой сделала? – бушевала Джо. – Отрезать таки-ие волосы!

Я взъерошила голый затылок и встряхнула головой – с трудом распрямленные пряди не выдержали напряжения последних часов и отчаянно завились от влажности, придя в свое естественное состояние.

– А, по-моему, тебе идет, Кэти, ты выглядишь совсем юной, – миролюбиво заметил Тан и аккуратно подцепил бамбуковыми палочками дымящийся клубок скрученной прозрачной лапши. Истинный queen, он всегда мог сделать приятное девушке – я послала ему воздушный поцелуй.

– Ага, еще скажи, что она похожа на подружку своих шестилетних дочерей. Тебе все понравится, любой ее каприз, – фыркнула Джо и критически меня оглядела. – Ну, не так отвратительно, как мне показалось сначала, но, детка, зачем ты покрасилась-то? Твоя необычная рыжина сверкала, словно золото, а сейчас ты превратилась в стандартный евроблонд.

– Слушай, отстань, – отмахнулась я. После внезапного вчерашнего затмения ко мне пришло запоздалое отрезвление – я уже почти жалела, что избавилась от своих волос таким варварским способом. – Лучше скажи, почему ты такая взвинченная сегодня?

– Ой, до того утомили эти випы! Представьте, некий несносный немец из Вены потребовал переселить его из пентхауса на нижние этажи – видишь ли, бедняга блюет при одном только взгляде с двухсотметровой высоты! А то, что номера «Horizon» и уж тем более «Atrium» на порядок дешевле и ему не по статусу – это как?

Тан пожал плечами – это был его коронный способ решать проблемы: сначала задумчиво поднимет к шее узкие плечики, а уж потом выскажется. Я всегда удивлялась, откуда в простом парне столько утонченности: и эти длинные глаза необычного палевого оттенка, и ровный нос, чуть раздвоенный на кончике, милым розовым сердечком губки и даже длинная, с идеально выстриженным беспорядком прическа. Тони Вонг, вспоминать которого совсем не хотелось, но он так упорно лез в мою голову, вместо разного рода грубых и обидных определений, сопровождающих бедного Тана по жизни, выбрал для него вполне себе миролюбивое прозвище –

Pretty Cure, и это снова было прямое попадание: очаровательный, женоподобный Тан и правда слишком уж напоминал большеглазых девочек – героинь известной серии японской манги.

– Но если клиент сам попросил… – возразил он.

– Ой, это пусть твои клиенты тебя просят, малыш, – фыркнула Джо, а я под столом пнула ее ногой – что за намеки! – Немец потом опомнится и устроит дикий скандал, выставит чертову неустойку, а спросят с кого? И что мне сказать, по-твоему? Господин Науманн, да это вы сами попросили, потому что блевали в чертовом пентхаусе «Orchid» с его охренительным живописным видом?

– Успокойся, дорогая, – одернула ее я – уж слишком она бушевала сегодня. – Предложи ему люкс с видом на парк Мерлион, там все-таки замкнутое пространство из небоскребов, может, его тошнота и пройдет… И если из Вены, то он австриец, а не немец…

– Да какая, на хрен, разница! Если у этого австронемца Науманна акрофобия, тогда он ошибся адресом, – продолжала кипятиться Джованни, размахивая острым крылышком цыпленка. – Есть один милый отельчик в колониальном стиле: три этажа, никакой воды и 105 шикарных апартаментов!

– Другими словами, добро пожаловать в королевский «Raffles», – расшифровал Тан, ловко уворачиваясь от цыпленка. Свой обед он уже закончил – ел Тан крайне мало, злоупотреблял разве что десертами, что никак не отражалось на его хрупкой фигуре, чему девушка-приз, находясь в вечной погоне за упругой попкой и стройными ляжками, безумно завидовала. – Мне интересно, тебе сразу бы дали пинка или предложили бы день на сборы? И ради бога, засунь ты уже себе в рот эту курицу, а то мне придется переодеваться.

– Не волнуйся, малыш, я не так заинтересована в работе, как ты, например, – назло Тану она прочертила пируэт цыплячьей ножкой в воздухе.

– Ну, так еще бы, с твоей-то родословной, – невозмутимо парировал Тан, намекая на известные ему семейные обстоятельства Джо.

– И если мне захочется высказаться, – не обращая внимания на его выпад, продолжала Джованни, – то уж поверь, Тан Нур, страх потерять это место меня не остановит… И кстати, я уже высказалась…

Ухмыльнувшись, она резко мотнула головой в противоположную сторону, из-за чего ее волосы красиво взметнулись наверх и так же красиво упали, увеличивая и без того пышный объем. Проследив в направлении, указанном ее подбородком, я увидела Тони Вонга, который сидел за столиком у колонны недалеко от нас, и, попивая чай, непринужденно болтал с Шен Ли. Встретившись со мной взглядом, он учтиво улыбнулся и чуть склонил голову, дескать, узнал тебя, приветствую. Черт возьми, его только здесь не хватало, зло подумала я и отвернулась. Не могу сказать, что чувствовала себя безмятежно – после вчерашнего смутное беспокойство постоянно подтачивало меня изнутри, как мерзкий червь. Я твердо дала себе обещание навсегда похоронить глупости в своей памяти, и поэтому сейчас вид довольного жизнью Тони, мирно распивающего чай с Шен, не вызвал у меня ничего, кроме яростного раздражения. Джованни при виде Вонга испытывала те же чувства.

– Видали? – усмехнулась она, поигрывая острой вилкой. Слава богу, искромсанная ножка цыпленка уже никому не могла навредить. – Воркуют, голубки…

– Да тише ты, – попросила ее я. Стоило мне поднять глаза, как я тут же встречалась взглядом с Тони, и эта его любезная ухмылка портила аппетит, вызывая ощущение вяжущей кислоты во рту.

– Представьте, сегодня Медуза поставила нас с ним на прием випов, и он постоянно тянул одеяло на себя, был суперкорректен с мужчинами, рассыпался в любезностях перед дамами, я рот не успеваю открыть, как он вставляет свой цент! Я ему, конечно, сказала сначала аккуратно…

–Аккуратно? Ты умеешь? – ехидно переспросил Тан.

– Да подожди ты! А он, главное, что меня бесит, он абсолютно непробиваем, абсолютно! Нулем на меня! А я такая стою, *как* дура…

– *Как*?

– Да заткнись ты, идиот! – не на шутку разозлилась Джо. – Короче, я не сдержалась и высказала ему все, что о нем думаю…

– И что же ты высказала? – я отобрала у нее вилку.

– Что считаю его выскочкой и…

– … и полукровкой-занудой, – добавил Тан. – Знаем, слышали. Старая песенка!

– Я сказала, что недопустимо кокетничать с гостями, это запрещено внутренним уставом отеля…

– Разве про кокетство есть в уставе? – усмехнулась я. – Да, в конце концов, и пусть, положительные отзывы гостей о сервисе в отеле всем только на пользу.

– Кэти, да потому что надо кокетничать только с ней, – подавил смешок Тан. – А что, скажи мне, с мужчинами он тоже кокетничал?

– Как бы то ни было, тебе не стоит надеяться, малыш. Вонг стопроцентный натурал, и такие, как ты, его не интересуют, – Джо даже покраснела от раздражения.

– А ты откуда знаешь про сто процентов?

– Послушайте, ну, хватит, вы оба! Он смотрит прямо на нас. Дорогая, может, ты просто приняла за кокетство его обходительность?

– А с этой дурочкой Ли он сейчас тоже обходителен, по-твоему?

– Господи, тебе-то что? – Тан равнодушно пожал плечами. – Или… и ты *тоже*? И ты влюбилась в этого сраного плейбоя? Сама хочешь занять ее место?

– Что-что? Я? Влюбилась? – сорвалась на крик Джованни. Ее, похоже, нимало не заботило, что за соседними столиками ее могли услышать. – Ну, ты совсем уже! Я терпеть не могу китайцев…

– Знаем, слышали…

Тан мог уколоть собеседника, причем, очень чувствительно, и сейчас он нажимал на правильные кнопки. Выросшая в среде избалованных богачей, с детства познавшая и бурные всплески отцовской любви, и его внезапное охлаждение Джованни впадала в крайности: то ли от бунтарства натуры, то ли в попытке убежать от неприятных воспоминаний детства, она постоянно прислонялась к какому-нибудь неотесанному простолюдину, смуглокожему качку с тремя извилинами, и этот мезальянс, на первых порах, видимо, упоительный, каждый раз заканчивался одинаково – разочарованием и скандалом. Что касается Тони Вонга, то до последнего времени Джованни оставалась равнодушной к привлекательному коллеге: секс с ровней не возбуждал ее, это было все равно, что овсяная каша на завтрак – может, и полезно, но невкусно. К тому же, она считала Тони китайцем, а их она недолюбливала. Но как-то они попали с Вонгом в ночную смену, и Джованни, по ее собственному выражению, от нечего делать предприняла попытку соблазнить его. Однако парень оказался крепким орешком – сделал вид, что ничего не понял. Джованни разозлилась и прибегла к тактике «изнурительного охмурения», которая с любым другим, не клюнувшим на ее быстрый метод, действовала безотказно, но и тут ее ждало разочарование – Тони остался непробиваем. После этого Джо откровенно невзлюбила Вонга, и теперь любое упоминание о нем, а уж тем более совместное дежурство лишь подпитывало ее ненависть к нему.

Обычно меня смешили их перепалки: подкалывания Тана, эмоциональные выступления Джо, но не сейчас. Я даже не пыталась бороться с собой – все, абсолютно все шло не так, когда рядом лицемерно щурился этот Вонг. Если бы Джованни не была так сосредоточена на себе и своих пикировках с Таном, она непременно бы зацепилась за этот мой неожиданный интерес к человеку, которого я всегда игнорировала.

– П-подожди, Тан… – не попадая в слова, переспросила я. – Ты… сказал *тоже*? А кто еще?

– Да так, – уклончиво ответил Тан и усмехнулся, – найдутся дурехи… Они пока не понимают, глупые, как опасен этот чертов плейбой…

– В смысле? – я почувствовала, что еще немного, и меня разорвет от нетерпения. Джованни снова ничего не заметила, а лишь равнодушно отмахнулась от Тана.

– Да что ты его слушаешь, детка! Он болтает об этой Дань, конечно. О ком еще? Или о себе. Ха-ха-ха, он и сам не прочь пристроиться к Вонгу.

Наверное, они продолжали бы и дальше изводить меня этими разговорами, но на поясе вдруг завибрировала рация.

– Кэти Чендлер, может, хватит прохлаждаться? Вы должны немедленно подойти в цоколь на ресепшен, – гулко резонировал командный голос главного координатора персонала госпожи Ванессы Шендраны, – здесь проблемы, похоже, у вашей соотечественницы. Не-мед-лен-но!

– Да, хорошо, иду, – ответила я и, отсоединившись, усмехнулась. – Ну, вы слышали этот вопль. Ванесса негодует, требует меня в цоколь. Наверняка там какие-нибудь чехи или поляки, которых она принимает за русских. Мне надо идти…

–Будь смелее, детка, она от этого теряется.

– Это она при тебе теряется, Джо, а при всех остальных ведет себя, как рабовладелец на рынке живого товара. А меня она особенно выделяет. Что поделаешь – любовь…

– Короче, не спускай стерве, дорогая…

– Т-с-с, тише… – Тан округлил глаза и, оглядевшись по сторонам, горячо затараторил: – Осторожнее с такими словами, тебе-то ничего, а Кэти это может аукнуться… Кэти, ну, ты тоже могла бы быть посговорчивее. Например, сказала бы: «Бегу!», а не «Иду».

– Ой, не нервничай ты так, любитель молока… Смотри, как тебя колбасит, даже твой лакированный беспорядок растрепался, – фыркнула Джованни и, повернувшись ко мне, состроила гримасу, которая точно отразила постную физиономию Тана. – Все и так в курсе, как ты привязан к Кэти… Если бы не твои, хм, наклонности, я бы подумала, что ты влюблен в нее…

– Конечно, влюблен, только платонически, – пробормотал Тан и огляделся, не прислушивается ли кто-нибудь к нашему разговору. – Ведь я ей по подбородок…

– И что? Если бы ты, друг мой, хоть что-нибудь понимал в женщинах, ты бы знал, что женщины ценят в мужчинах отнюдь не рост.

– А если бы ты хоть что-нибудь понимала в мужчинах, ты бы никогда не вела себя так, будто мужик – это ты…

– Что ты имеешь в виду? – напряглась Джо.

– Я имею в виду то, что ты везде и всегда ведешь себя агрессивно, пытаешься сразу занять позицию сверху, а это не всем нравится…

– Понятно, малыш, ты-то всегда занимаешь другую позицию – спереди, услужливо подставляя…

– Эй, хватит! – чувствуя, что это может обернуться скандалом, вмешалась я. – Тан, дорогой, заплати за меня, пожалуйста, а в следующий раз я тебя угощаю. Все, пошла, узнаю, в чем там дело. Умоляю, не ссорьтесь.

Проходя мимо столика у колонны, я вежливо поздоровалась с коллегами и снова столкнулась взглядом с Тони Вонгом. Вспомнив намеки Тана на неких влюбленных дурех, я почему-то подумала, что он имел в виду вовсе не Шен Ли.

В цоколе – так мы называли застекленный двухуровневый нижний этаж нашего блока «East», имеющий форму шестигранника – уже маячила знакомая фигура. Госпожа Медуза была крайне недовольна, и это ощущалось от входа – такие негативные токи она излучала.

В Ванессе Шендране удивительным образом сочетались идеальная осанка, изысканная правильность черт с подростковой неказистостью и шипящим змеиным уродством. Ее можно было бы назвать красавицей, рассматривай ее достоинства по отдельности: узкое, треугольное лицо, овальные глаза темно-рыжего цвета, густая копна каштановых волос, гибкая шея балерины, прямая спина. Но и в пронзительном взгляде, и в повороте головы, и в напряженной ухмылке-улыбке – везде сквозил ледяной холод, перечеркивающий приятное впечатление. Невысокая, даже для представительницы Юго-Восточной Азии, она отличалась нервической худобой, как раз такой, которая не красит, а наоборот, обезличивает женщину. По-мальчишески узкие, без всяких округлостей бедра и практически полное отсутствие груди одно время вызывали у нас с Джо жаркие споры, а не трансвестит ли это, рядящийся в женщину, но ровно до тех пор, пока подруга Джо Ниша Шарма, та самая девушка-торт, отвечающая за санитарное состояние этажей зоны «Horizon», не принесла как-то сплетню, что у Ванессы есть любовник. В отеле вообще трудно что-либо утаить, а уж если ты занимаешь руководящую должность, да еще изводишь подчиненных излишней требовательностью, унижаешь придирками, то тем более. Твое поведение, твои слова, действия, которые ты совершаешь, не задумываясь, рефлекторно, являются объектом пристального наблюдения, и любой сотрудник отеля, будь то портье, официант, техник или горничная, с удовольствием перескажут коллегам подслушанный разговор, оброненную невзначай фразу, поведают о твоих предпочтениях в еде, а также о содержимом твоего мусорного ведра. Именно так была раскрыта тайна одной неосмотрительной сотрудницы, залетевшей от женатого коллеги – она выбросила в туалете тест на определение беременности с положительным результатом. Именно так горничная, убирающая комнату отдыха старшего персонала, случайно увидела, что шкафчик Ванессы приоткрыт, и, воспользовавшись моментом, исхитрилась заглянуть туда и обнаружила пакет с маркировкой дорогого дамского магазина, а в нем ворох нижнего белья крохотного размера. Ничего в этом необычного не было бы, если бы не агрессивно-красный цвет белья и запредельная стоимость чека. После этого другая горничная донесла Нише, как Ванесса, уединившись в закрытой для посещений туалетной комнате на 8-м, ворковала с кем-то по телефону, называя этого кого-то дорогим Хузи, мальчиком и даже котиком. Горничная, спрятавшаяся в позе вопросительного знака в крохотной подсобке реструма, уверяла, что далеко не сразу поняла, что этот нежный, счастливый голосок принадлежит госпоже Медузе. Главное во всей этой истории заключалось даже не в том, что Шендрана была застукана практически с поличным, а в том, что она оказалась одной из нас, обычной женщиной, вовлеченной в тайный роман с неким Хузи. Теперь мы знали ее секрет, ее уязвимое место, а она об этом не догадывалась.

– Опять опоздание? – прошипела Ванесса и смерила меня убийственно холодным взглядом. – Третье за этот месяц, Чендлер. Вон, решите проблему, – и кивком указала на стоящую спиной ко мне стройную белокурую девушку в брючном костюме, пытающуюся объясниться с предельно корректным администратором Лю Сяном. Я направилась к гостье. До меня доносились ее фразы на неплохом английском:

– Боюсь, я не очень понимаю, что вы имеете в виду… Я еще раз повторяю, этот номер не подходит моему боссу, поскольку…

– Простите, могу я вам помочь? – обратилась я к ней также по-английски. Обернувшись, она охватила меня заинтересованным взглядом. Я увидела милейшее личико с немного заостренными чертами, вздернутым носиком и круглыми, наивно удивленными, голубыми глазами. На ней была шелковая блузка цвета фуксии, что лишь усиливало ее сходство с Барби. За несколько лет работы с самыми разными людьми из самых разных уголков земного шара я научилась практически безошибочно определять национальность человека. Вот и сейчас по акценту, с которым Барби разговаривала по-английски, да и по всему этому дивному белокурому облику я догадалась, что передо мной именно русская. Девушка нервничала, и нежные

щечки ее, и кончик носа, и даже мочки маленьких, аккуратных ушек стали в цвет кофточки от напряжения.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, все будет в порядке. Нет такой проблемы, которую мы не могли бы решить. Хотите воды или, может быть, чаю?

– Наконец-то, – с облегчением выдохнула она и одарила меня благодарным взглядом, – наконец-то я слышу английский язык, который понимаю. Судя по акценту, вы американка?

– Я рада, что вы меня понимаете, – сказала я, игнорируя вопрос о моей национальности, – так в чем ваша проблема?

Следуя давней привычке, я не торопилась переходить на русский. Эта маленькая хитрость иногда помогала распознать людей, выведать их небольшие секреты. И сейчас мне отчего-то не хотелось сразу демонстрировать этой белокурой Барби, кто я есть на самом деле. На довольно беглом английском она начала объяснять мне, что ее босс – тут огромные глаза вскинулись к небесам – час назад прибыл в Сингапур и уже недоволен абсолютно всем! Едва он успел прилететь, как его, представьте – она искренне ужаснулась, округлив ротик – тут же оштрафовали в аэропорту за одну только попытку закурить! «Ай-ай-ай», – сочувственно покачала головой я, а про себя подумала: бедолага, наверное, решил, что к пассажирам первого класса здесь применяются другие стандарты. Девушка, между тем, продолжала с упоением рассказывать мне про злоключения своего биг босса. Везде и всюду в любой поездке этот славный джентльмен заказывает ocean-view, если, конечно, в стране есть что-то, похожее на океан, а тут в апартаментах «Coral», которые, конечно, сами по себе неплохие (я фыркнула: двухуровневый пентхаус с роскошной спальней king-size и спа-салоном в ванной, *неплохой*?), взгляд его упирается в город и в дорогу. Обычно я никогда этого не делаю, но сейчас, глядя в эти наивные глазки, на этот О-образный пухлый ротик и буратиночьи кудельки волос, не удержалась, решила поехидничать:

– Простите, но люксы «Coral» – это наше спецпредложение. Они расположены в зоне «Club», практически на уровне Скайпарка, самой высокой точки отеля, откуда открывается прекрасный вид на город, на океан, на невероятный тропический парк «Gardens of the Bay». Дорога, о которой вы говорите, конечно, есть, я не спорю, но как может выглядеть хайвей с высоты 200 метров? Как шелковая лента, развевающаяся на ветру…

– Она что, собирается тут лекцию тебе читать, что ли? Об исключительности их отеля? – вдруг ворвался в наш разговор русский язык и усталый, хрипловатый баритон, который я узнала бы из тысячи, да что там – из миллиона голосов! Мы обе, и я, и эта очаровательная фарфоровая кукла, как по команде, обернулись. Барби затрепетала то ли от страха, то ли от восторга, впрочем, я сразу же забыла о ней… Небрежно откидывая назад волосы, ко мне не торопясь приближался высокий человек. Несмотря на то, что прошло 9 лет со дня нашей последней встречи, сердце мое отчаянно забилось, будто это только вчера он отчитывал меня за нерадивость, только вчера бросал мне язвительное: «Вы вообще способны отличить рейтинг от доли?», испепеляя презрительным взглядом. Да, это был он, Игорь Францевич Берман, Генеральный директор телеканала, на котором я, выпускница философского факультета МГУ, когда-то начинала свою трудовую деятельность; это был Игорь Францевич Берман, прозванный за высокомерие и аристократизм князем Игорем. Изрядно осунувшийся, с резко прочерченными носогубными складками, с падающей на глаза поседевшей челкой, когда-то густой и черной, он, тем не менее, был совершенно узнаваем, все так же свысока поглядывал на всех, так же прямо держал спину и был все так же изысканно хорош! Человек, из-за которого я страдала, стремительно выскочила замуж за нелюбимого, бросила маму, дом, страну, этот человек стоял сейчас в двух шагах от меня, окидывая всех присутствующих недовольным взглядом.

– Что они тут тебе пáрят? – обратился он к онемевшей помощнице. – Ты до сих пор ничего не сделала?

– Но я… – покрасневшая до корней волос Барби широко открыла ротик и захлебнулась воздухом. Я почти пожалела ее, мне было до колкой боли знакомо ее состояние: этот негромкий голос, этот суровый тон, эти вопросы, ответы на которые он знал раньше тебя, и этот короткий прищуренный взгляд, пронзающий насквозь и прибивающий к полу – когда он говорил так, когда он смотрел так, хотелось провалиться сквозь землю.

– Извините, что вмешиваюсь, господин Берман, – вежливо произнесла я по-английски, улыбаясь ему во весь свой рот. – Насколько я поняла, вас не устраивает вид из окна?

– Вы правильно понимаете, – ответил он, обернувшись ко мне.

– Я могу вам предложить равноценные апартаменты. Это пентхаус «Orchid», только с живописным видом, вернее, с более живописным видом, чем ваш.

– Что ж, попытайтесь, – отвернувшись, он поднял руку, быстро встряхнул ею и демонстративно взглянул на часы, давая понять, что время, отведенное на общение с такой, как я, истекло. На секунду язык прилип к небу, а ноги подкосила предательская слабость. «Да он не помнит меня», – ошарашила простая мысль.

– С более живописным? А вот этот молодой человек, – забытая было Барби указала на Лю Сяна, вытянувшегося за стойкой ресепшена, – сказал, что свободных номеров такого уровня нет. Если, конечно, я правильно его поняла.

– Возможно, господин Лю еще не в курсе. Вы, господин Берман, можете переехать немедленно, разумеется, если вам понравится.

– Кэти, вы с ума сошли? – прошипела мне в лицо Ванесса, повернувшись спиной к гостям. – О каком номере вы говорите?

– Госпожа Шендрана, Кэти права, – мягко вмешался Лю – он, наконец, проверил информацию в компьютере, – господин Науманн из пентхауса «Orchid» переехал в зону «Atrium».

– Такое возможно? – Ванесса взметнула к переносице дуги выщипанных бровей. Черт возьми, почему меня никто не предупредил об этом, вопил ее возмущенный вид.

– Просто господин Науманн, который заселился в этот номер раньше, боится высоты. Вот его и укачало, – ответила я. Повернувшись к Берману, предложила: – Вы можете посмотреть ваш люкс.

– Если он будет таким же, как прежний, то не стоит. Впрочем, мисс… э-э… – он перевел взгляд на мой бейджик, – Кэ-ри Член-дер, не соблаговолите ли проводить меня туда?

Идя перед ним по просторным коридорам отеля – малышка Барби в кофточке больше не сопровождала его, – я немного нервничала, думая о моих чулках и узкой юбке. За долгие 9 лет, что мы не виделись, я прошла непростой путь, сменила страну, язык, статус, я стала увереннее в себе и, на мой взгляд, гораздо привлекательнее, но все равно волновалась, как и тогда, в далекой юности при его появлении. Интересно, подумала я, кто с ним сейчас?..

Вообще личная жизнь князя Игоря, которая всегда занимала меня гораздо больше, чем какие-то там рейтинги-доли, вовсе не являлась тайной за семью печатями. Все и каждый у нас на канале были в курсе, *с кем*, ну, возможно, по поводу того, *когда* и *где,* встречались разночтения. Я только начинала работать и издали восхищалась масштабом личности Генерального, а сведущие люди уже просветили меня, что он давно и беспробудно женат, у него двое взрослых детей и мечтать о нем – все равно, что мечтать о Боге, да и то, Бог еще может возлюбить тебя, а вот князь Игорь – никогда. Прошло какое-то время, и все вдруг поменялось – в праймовой развлекательной программе нашего канала появилась ведущая, эффектная, бойкая, и стали активно поговаривать, что она – новая пассия Генерального. Слухи быстро подтвердились – пара начала выходить вместе в свет. Смотрелись они, как выразилась моя подруга, закончившая когда-то музыкальную школу, диссонансно: элегантный интеллектуал Игорь Францевич с его утонченным, богемным шиком и пышногрудая блондинка, при всей своей яркости все-таки слишком вульгарная. Не сказать, что я лелеяла глупые надежды в отношении Игоря Францевича – это было бы смешно! – но мысль о том, что какая-то дворняжка вызывает в его душе чув-

ства, отличные от раздражения, а меня он едва замечает, и здесь вряд ли что-либо поменяется, эта мысль заставляла меня страдать. Неожиданно ситуация снова перезагрузилась – блондинка внезапно исчезла, а ее место заняла журналистка, звезда новостей, которая читала информационную ленту с таким видом, будто делала всем одолжение. Спустя полгода из разных источников я узнала, что вместо информационщицы появилась то ли певица, то ли актриса, потом вроде кто-то еще, ну, и так далее. Наверное, Игорь Францевич был слишком умен, чтобы найти подругу, равную себе. Наверное, он просто рожден для другого, более высокого, чем вся эта брачная мельтешня и приземленные отношения с женщинами. Наверное, работа и карьера для него всегда были и будут на первом месте. Как бы то ни было, думала я, закрывая очередную ссылку в интернете, в его жизни никогда не будет меня.

Остановившись рядом с толпой разномастных туристов, ожидающих лифт, я незаметно обернулась и поняла, что волновалась зря – Игорь Францевич не поднимал глаз от своего айфона. Когда-то, работая у него, я научилась угадывать настроение Генерального по звуку его шагов, уже по одному тому, как он открывал дверь конференц-зала, поэтому сейчас я безошибочно определила, что Игорь Францевич находится в одном из самых неприятных своих состояний – в сумрачном раздражении на всех и вся. В лифте, воспользовавшись расстоянием и разделяющими нас людьми, украдкой рассмотрела его. Да, выглядел он не лучшим образом: под нижними веками появились тяжелые грыжи, носогубные складки прорезали щеки презрительными морщинами, обострившиеся ноздри придали лицу хищническое выражение, в уголках тонкого рта застыла брезгливость. Но главная загадка столь разительных перемен таилась в его глазах. Когда-то смеющиеся, живые, глубокие, в которых я, например, тонула без надежды выбраться, они теперь пожухли, как трава, и цвета стали безжизненного – цвета льда.

После 40-го этажа начиналась зона «Club», и, чтобы ехать дальше, надо было вставить в специальное отверстие на табло либо карту от номера, либо аккредитацию. Лифт опустел, а мой спутник был непробиваемо безразличен ко всему, кроме, пожалуй, смс-переписки, и я не решилась беспокоить его инструктажем – пусть уж это сделает поэтажный персонал – и молча вставила в валидатор свой бейджик. На 54-м лифт замер, и Генеральный неожиданно отвлекся от телефона и метнул в мою сторону быстрый взгляд, впрочем, может, и не в мою, а на механические двери, которые плавно и бесшумно разъехались, выдыхая нас в уютное чрево пентхауса.

– Прошу вас, нам сюда, – вежливо сказала я и пошла вперед. Я готовилась нанести Игорю Францевичу сокрушительный удар, применив к нему наш с Джованни коронный метод. Дело было не в каком-то особенном поведении или духáх с феромонами, запрещенными в служебное время, а в походке – прямая спина, выгнутые в коленях ноги, небольшая амплитуда раскачивания бедрами – и все, это действовало практически на всех мужчин, к которым этот метод применялся. И придраться было нельзя – походка ведь не помада и не красный лак, ее не уберешь, это дело сугубо индивидуальное. Мы шли по змеевидному, остекленному коридору, напоминающему прозрачный рукав, соединенный с воображаемым космическим кораблем, и необыкновенная красота, окружающая нас со всех сторон, лишь усиливала впечатление нереальности происходящего. Вдали под нами сиял залив. Словно островок внеземной цивилизации, из воды выплывала фантастическая роща, поражая воображение богатырскими чудодеревьями, ломаными крышами оранжереи и выпархивающими из зарослей муляжами гигантских стрекоз, сверкающих на солнце нестерпимо ярким, металлическим блеском. Холодное молчание, повисшее в воздухе, вдруг разбил резкий, отрывистый звук его телефона. Он ответил, и его «Да» было совсем иным – задорным, немного игривым, из чего я сделала вывод, что позвонивший входит в число избранных.

– Ну, приве-ет, дорогой, рад тебя слышать! Как там у нас?.. О-па! А в новостях это дали? И что, что 7 утра? Давайте каждые полчаса, а потом в развернутом виде в 10. Стоит только

уехать на пару дней, как вы сразу зависаете! Если без меня просрете канал, приеду, поубиваю всех!.. Да как у меня, как у меня – все отвратительно! 10 часов в воздухе еле продержался без сигарет, а прямо в аэропорту налетел на 250 их говенных сингапурских баксов за то, что попытался, наконец, закурить – ничего, да? Что за дурацкий город: ни курить, ни сорить, ни выругаться по-человечески – ни х..а нельзя! Ни одного нормального лица, разве что… задница вот ничего, да и та американская… – от неожиданности я вздрогнула: черт возьми, это он про меня! Кое-что все-таки заметил. Его властный хриплый голос беспощадно разрывал тишину пентхауса: – Надо было тебе поехать, ты все равно не куришь. И помощница твоя… Слушай, ну, я понимаю, возможно, она… (он произнес глагол, от которого у меня, девушки далеко не ханжеского поведения, просто скулы свело)… хорошо, но это же не значит, что она может ездить на подобные мероприятия… Она же просто…

– Извините, господин Берман, мы пришли, – перебила его я и остановилась у люкса «Orchid». Не успев затормозить, он толкнул меня, чуть не сбил с ног, его телефон со свистом пролетел мимо.

– О, черт, – выругался он над самым моим ухом и поднял айфон. Насмешливо пробормотал в трубку: – Ну, что, не ударился? Давай, набери меня через пару минут.

Передо мной господин Берман не счел нужным извиниться, несмотря на то что толчок в плечо был весьма ощутимым. Мы вошли в просторные апартаменты, в которых раньше мне бывать не приходилось. Черт возьми, подумала я, упираясь взглядом в прозрачную стену-экран, черт возьми… Кроме этого тонированного стекла, прикрытого легким жалюзи, за которым, я знала, скрывался совершенно космический балкон, здесь не было ничего, что напоминало бы жалкую подсобку Ахана, но все же я представила именно ее…

Игорь Францевич стоял на шаг впереди, поэтому я не могла видеть выражения его лица, однако спрятанные в карман руки, стремительный взлет головы и откинутые назад волосы демонстрировали его обычное высокомерие. Усмехнувшись, я сказала себе: «Ну, подожди, подожди, грубиян», – и промолвила до омерзительности учтивым тоном:

– Вам нравится *этот* вид? Вы можете насладиться всей полнотой картины с балкона.

Не дождавшись ответа, подошла к стене-окну, раздвинула панорамные стекла – они мягко разъехались в разные стороны – и замерла у входа, дескать, прошу, а я после вас. Не чувствуя подвоха, он неторопливо приблизился, посмотрел на меня подозрительно, ухмыльнулся, шагнул было на балкон, и вдруг ошеломленно замер в неестественной позе, с зависшей в воздухе ногой и взметнувшимися вверх руками. Я не удержалась и бесшумно щелкнула кончиками пальцев: получите! Действительно, трудно сохранять невозмутимость – и мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте – когда вместо привычного пола на балконе оказывается палладиевое стекло и разверзающаяся под ним 200-метровая бездна! В отличие от подсобки Ахана здесь, правда, были еще поддерживающие балки-перегородки, создающие ощущение опоры. Пока он обмирал то ли от ужаса, то ли от восторга, я еще раз критически оглядела себя в овальном зеркале. Вот где настоящий кошмар. Как эта девица с голым затылком, выбеленными кудряшками и в строгой униформе – светлый верх, не очень темный низ – не похожа на меня! Уж совсем не в таком виде то ли переросшей школьницы, то ли неказистой училки мне хотелось бы предстать перед ним, раз уж довелось встретиться. Что ж удивляться, что он не узнал меня и что задница – это единственное, что привлекло его внимание. Я бросила оценивающий взгляд и на нее. Узкая юбка сильно обтягивала бедра, до рези в желудке сдавливала талию. Неплохо, но все же не то… Расстегнув верхнюю пуговицу на кофте – во всяком случае, не так официально! – выдохнула и сделала несколько шагов по направлению к балкону. Всесильный и ужасный князь Игорь все еще стоял в нерешительности, ухватившись обеими руками за стеклянную перегородку, и беспомощно смотрел вниз.

– Позвольте, господин Берман, я распоряжусь, чтобы сюда перенесли ваши вещи из прежних апартаментов, не возражаете? – обратилась я к его спине. Он медленно обернулся. Я с тру-

дом удержалась от улыбки: с его обескураженного, побледневшего лица будто ластиком стерли спесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.